

бывают. Надо тебе ямку выкопать, пожалуйста – маленькая лопатка, надо тебе веточки в вязанку связать – вот тебе верёвочка. А надо тебе лодку починить, дырка в ней есть, и лодка протекает – вот тебе гвоздики, кусочек фанерки на заплатку и молоток. Всё в его карманах есть. Ну, всё, всё, всё! И на все случаи жизни!

Муравей аккуратно спилил одуванчик и отдал его ёжику.

Ёжик взял солнышко-одуванчик, сказал:

– Спасибо! Какое оно красивое! – заулыбался и поднял солнышко-одуванчик над головой, что бы оно светило всем.

– Пойдём домой. Сказал муравей и взял ёжика за ручку.

– А как же волшебная папина палка?

– Ну, раз палка папина, да ещё и волшебная...! Конечно же, мы её возьмём с собой. Муравей подобрал палку, и они дружно отправились по направлению к дому.

И было так хорошо. Так хорошо! Настоящее солнце бежало впереди и показывало дорогу к дому, где ждали мама, папа, старший братик – Колючка и сестрёнка – Красотулька. Было радостно и радость переполняла ёжика, и он всё шёл быстрее и быстрее. И чего-то хотелось, но он не знал что.

И вдруг...!

И вдруг слова вырвались из него и стали складываться в песенку. Про солнышко, что у него в руках, хороших друзей, про травку, птичек и, конечно же, про маму и папу. Правда, маленькому ёжику слов ещё не хватало, но это было неважно, потому что муравей, идущий рядом, в этот момент подпевал:

– Тра-ля-ля, ля-ля-ля!

А пока они шли, дома все искали маленького ёжика-глупышку. Искала мама, сестрёнка искала, старший брат искал и искал. Все искали Глупышку, С ног сбились! Потеряли и не могли найти. А сорока всё кричала:

– Ой, горе! Ой, горе! Потерялся! Потерялся! Заблудился! Заблудился!

И вдруг...! И вдруг они услышали весёлую песенку, которая доносилась с края полянки:

Солнышко, солнышко я в руке держу.

Солнышко, Солнышко! Ля-ля-ля, лю-лю-лю!

Папа и мама! Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Братик и сестрёнка. Ля! Ля! Ля!

И вместе они пели: Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Хорошо кругом как! Ля-ля-ля, лю-лю-лю!

Одуванчик-солнышко, я его люблю! Лю-лю-лю!

Хорошо, что есть друзья! Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

И уютный домик мой! Ля-ля-ля!

И снова они вместе опять пели:

Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Ля! Ля! Ля!

Смотрят, а по полю одуванчик идет! Что за чудо? Побежали посмотреть, а там сыночек младшенький идёт с муравьём, взявшись за руки и весело песенку поют, а в руках сыночек держит солнышко-одуванчик. Увидел маленький ёжик маму и побежал к ней с криком:

– Мама! Мама! Посмотри, какое солнышко у меня! – Обняла его мама, расцеловала, очень рада была, что сыночек нашёлся. Гладит его по головке и говорит:

– Солнышко моё! Нашёлся. Как я переволновалась! Ты больше так не делай. Один куда не ходи.

– Я папе хотел его волшебную палку отдать, да заблудился. – Опустив глаза, сказал ёжик. – Но дядя муравей нашёл меня и мой дом. Спасибо ему.

– Спасибо Вам дяденька муравей, что сынишку домой привели! Проходите к нам, добрым гостем и другом будете. – Сказала мама. Все отправились домой, а вскоре и папа пришёл, большое лукошко грибов и ягод принёс. Рассказали ему про такую страшную историю с таким счастливым концом. Выслушал папа внимательно, под конец улынулся, поблагодарил дядю муравья и сказал, что бы маленький сынишка один от дома далеко не отходил. А палку он специально оставил, чтобы срезать другую, новую. Для себя. Старую, волшебную он хочет за отвагу подарить своему младшему сыну, что бы в следующий раз за грибами они могли пойти вдвоём! Вместе! И протянул волшебную палку сыну.

– Ой! Папочка! Это мне? Спасибо тебе большое!

Как маленький ёжик обрадовался, что папина волшебная палка теперь его и они могут ходить за грибами вдвоём. И он расцеловал папочку.

После чего папа повернулся к маме и говорит: «Раз ты назвала его солнышком, так пусть его так и зовут!»

И назвали младшего сыночка-ёжика – Солнышко! Тем более, что колючки у него были как лучики. А мама даже расплакалась от счастья и с тех пор называла его – «Солнышко моё!»

После чего папа встал, взял фотоаппарат. Поставил сыночка Солнышко на стульчик, дал одуванчик в ручку и сфотографировал. А когда фотография получилась, он написал на ней: «Наше Солнышко и одуванчик!» – а на обороте фотографии написал: «Нашему сыночку – Солнышко одна неделька со дня рождения!» Таким маленьким был наше Солнышко.

***

Прошло много лет. Я стал настоящим писателем и пишу теперь рассказы для детей. Над моим рабочим столом, у меня на стене, висит та самая фотография, которою сделал мой папа, на которой я стою на стуле и держу в руке солнышко-одуванчик. А песенку я уже не помню. Если хочешь, сочини свою песенку сам и пришли её мне.

Твой детский писатель – Ёжик Солнышко.

Церковь

Церковь! Темно.

Лампадка горит

Под образком святым.
Здесь душа
С душой говорит,
Этот мир с иным.

Здесь обручаются
Две души.
И даже пройдут года
Будут едины
В другой тиши,
Будут едины всегда.

Здесь тихие звуки.
Молебен идет,
Взор устремлен в небеса.
Здесь Бог тебе
Надежду дает
И жизнь, как чудеса.

Здесь свечи горят
За упокой.
Здесь не властны года.
Душу свою здесь
Богу открой
И сам загляни туда.

О. ПАНОВ

“Восточный экспресс” в бокале с двойным дном

Стамбул, Pera Palace, 1932 год.
В зале бара, наполненном ароматом кальвадоса и табака, царило изящное затмение рассудка.
Где-то за окном, во мраке, Босфор вздыхал, словно старый контрабандист в маске Димитроса, прячущий опиум в трюме.
Но внутри – по-настоящему великосветский хаос.
Агата Кристи сидела у окна, задумчиво помешивая в бокале виски.
Она смотрела на человека в центре зала – Гастона д’Арси, француза с непроизносимой фамилией и выражением лица, будто он уже написал роман, который никто не осмелится прочесть. – Что он делает? – спросила она у Греты Гарбо, чей голос напоминал бархатную отраву. – Испытывает предел человеческих возможностей, – ответила Гарбо, лениво роняя пепел в серебряную пепельницу.
Д’Арси творил алкогольную алхимию. Он смешивал коктейли со своей судьбой, проглатывая строчку за строчкой барного евангелия, как безумный переписчик, одержимый священным текстом. – Если бы он шёл сверху вниз, он давно бы свалился, – прокомментировал Эрнест Хемингуэй, сжимая в кулаке стакан с ромом, словно рукоять гарпуна. – Но снизу вверх... Чёрт возьми, это как ловить льва за хвост, стоя над пропастью.
Бармен, жрец коктейльного алтаря, пролистывал меню, словно читал предсмертную исповедь.

– Господин д’Арси, – пробормотал он, – следующий коктейль... – Не называйте его! – перебил Альфред Хичкок, деля знак официанту убрать шейкер. – Пусть напиток сам войдёт в сценарий его судьбы. – Знаете, – вдруг произнесла Гарбо, стряхивая пепел, – в Цистернах сейчас должно быть особенно тихо... – В такой час там всегда тихо, – отозвался Хемингуэй. – Только капли считают века. – И головы Медуз, – улыбнулась Кристи. – Говорят, если смотреть на них достаточно долго... Не договаривайте, – перебил д’Арси, поднимая очередной бокал. – У каждой легенды должна быть своя тайна. Как у каждого яда – свой антидот. В этот момент дверь с грохотом распахнулась. Где-то в глубине подземных цистерн дрогнула каменная Медуза, словно почувствовав приближение своего повелителя. Вошёл Мустафа Кемаль Ататюрк – босфорский император, чей костюм сидел на нём лучше, чем турецкая республика. Он оглядел зал с выражением человека, знающего, что именно он правит миром, но пока скрывает это из вежливости.

Он усмехнулся, наблюдая за Гастоном, который уже перевалил за середину списка. – Д’Арси, – сказал он, садясь напротив. – Ты вот-вот упадёшь и не допьёшь весь этот бар, мои янычары уже штурмуют крепость: без колебаний, без пути назад и, возможно, без надежды на утро. – Этот бар – не цитадель Афьонкарахисар, Мустафа, – медленно ответил Гастон, покачивая в бокале остатки “Кровавой Мэри”.

Ататюрк скептически оглядел его: – Скорее Босфор повернёт вспять, чем ты допьёшь весь этот список. – Он аккуратно поправил свой монокль. Д’Арси усмехнулся, глядя на него так, как смотрят на проигравшего в шахматы короля. – Скорее ваш монокль, эфенди, утонет в этом хайболе, чем я упаду. Хотя бы потому, что не существует конечной станции там, где рельсы нарисованы прямо по небу. Как на пиру Валтасара. Кристи удивлённо подняла бровь. – Ах, вот оно что. Откуда, граф, вам известна фабула моего будущего романа? Я только сегодня начала обдумывать его сюжет. Д’Арси посмотрел на неё с лёгким сожалением, как смотрят на человека, которому ещё только предстоит узнать, что именно было в том таинственном конверте на ночном столике у постояльца из купе № 7. – Мадам, – произнёс он, – Речь о моём романе. Он, впрочем, как и ваш, ещё не опубликован, но уже разошёлся десятикратным тиражом. – Так не бывает, – возразила она. – Ещё как бывает. Особенно если это первый в истории мультимедийный перформанс “Пешком от мыса Доброй Надежды в Колыму”. С XI века до н.э. вплоть до XXI. – Впрочем, my charming Agatha, не переживайте, – добавил граф с лёгкой улыбкой. – Ваш “Восточный экспресс” тоже всех переживёт, не только вас. И не только он. Кристи замолчала. Она начала подозревать, что граф это не просто граф, а его рассказ не просто литературный проект. Скорее уж инструкция по выживанию, зашифрованная в рукописи, которую графу ещё предстоит найти в Месопотамии где-то в конце VIII века. Д’Арси допил свой коктейль и посмотрел на бармена. – Я не могу знать финал... – сказал он. – Но разве кто-нибудь когда-нибудь знал, где этот финал?